УДК: 339.564:332.1 DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-2-73-83

ПОЛИТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: ПРИОРИТЕТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Соколов М.В.[1]

Аннотация. *Целью* работы выступает рассмотрение возможности привлечения потенциала гражданского общества к борьбе с экстремистскими проявлениями. Статья посвящена приоритетам совершенствования политики противодействия экстремизму в политическом процессе современной России.

Предмет исследования – исследовать приоритеты реализации государственной политики противодействия экстремизму в современной России.

Выявляется содержание проблем, возникающих в процессе практической реализации взаимодействия между общественными институтами и государственной властью в сфере противодействия радикальным идейным теориям и политическим практикам. Приводятся авторские выводы по совершенствованию политики взаимодействия с институтами гражданского общества, способными участвовать в реализации государственной стратегии в деле борьбы с экстремизмом.

В результате проведенного исследования определено, что наиболее эффективным партнером государства в деле противодействия угрозе экстремизма может выступать общественная система обеспечения национальной безопасности России. Обосновывается тезис, что, в отличие от большинства общественных объединений и организаций, субъекты негосударственного сектора обеспечения безопасности обладают такими признаками как корпоративная сплоченность, возможность самофинансирования, устойчивую структуру, авторитет в молодежной среде. Подчеркивается необходимость корректировки доктринальных основ политики противодействия политическому экстремизму с целью выработки адекватных форм сотрудничества с общественными объединениями в деле борьбы с радикализацией российского социума.

Ключевые слова: гражданское общество, политический процесс, политический экстремизм, институты гражданского общества, политика противодействия экстремизму, негосударственные сектор обеспечения национальной безопасности.

Соколов Михаил Владимирович – аспирант кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 302028, Россия, г.Орёл, б. Победы, д.5а , e-mail: fmmy@yandex.ru

COUNTER-EXTREMISM POLICY: PRIORITIES OF INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY AND STATE IN MODERN RUSSIA

SOKOLOV M. V. – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: fmmy@yandex.ru

Abstract. The purpose of the work is to consider the possibility of attracting the potential of civil society in the fight against extremist manifestations. The article is devoted to the priorities of improving the policy of countering extremism in the political process of modern Russia.

The research subject is to examine the priorities of the implementation of state policy to counter extremism in modern Russia.

The content of problems arising in the process of practical implementation of the interaction between public institutions and state authorities in the field of counteracting radical ideological theories and political practices is revealed. The author's conclusions on improving the policy of interaction with civil society institutions that are able to participate in the implementation of the state strategy in the fight against extremism are presented.

As a result of the study, it is determined that the most effective partner of the state in countering the extremism threat may be the public system of ensuring national security of Russia. It is argued, unlike most public associations and organizations, the subjects of the non-governmental security sector have such signs as corporate cohesion, possibility of self-financing, stable structure, and authority among young people. The article substantiates the need to adjust the doctrinal foundations of the policy of countering political extremism in order to develop adequate forms of cooperation with public associations in the fight against radicalization of Russian society.

Keywords: civil society, political process, political extremism, civil society institutions, anti-extremism policies, non-state sector of national security.

Введение.

Практика протекания политического процесса в государствах с различными типами политических режимов – от традиционных автократий, до различных «смешанных» и «переходных» политических систем и обществ, относимых к классическим либеральным демократиям, доказывает актуальность сохранения экстремизма как одного факторов социальной действительности. Особенно указанный тезис востребован для российского социума, поскольку противоречивость политических трансформаций постсоветского периода детерминирует использования радикальных идейных воззрений в попытках решить наиболее значимые социально-политические противоречия. За постсоветский период в политическом процессе Российской Федерации проявлялись различные формы экстремистских доктрин и учений – от политических и религиозных, до экологических и социокультурных вариаций. На начальном этапе суверенизации Российской Федерации,

который приходится на 1990–-е гг., наибольшую угрозу для политической стабильности представляли сепаратистские движения на Северном Кавказе, прежде всего на территории Чеченской республики. Усилиями федеральной власти к первому десятилетию XXI века вызов этнополитического сепаратизма был в достаточной мере преодолен, однако политический экстремизм после этого стал канализироваться через новые формы своего выражения. Наибольшую опасность для политической стабильности российского общества представляет непосредственная связь между экстремистскими идейными установками на абсолютизацию насилия и распространением международного терроризма[1].

Изменившаяся ситуация потребовала корректировки концептуальных основ государственной политики противодействия политическому экстремизму. В научной среде многие годы дискутируется вопрос о возможности участия в ней институтов гражданского общества. В научной среде многие годы дискутируется вопрос о возможности участия институтов гражданского общества отечественной политологии. Не следует забывать, что обеспечение демократического развития Российской Федерации будет и далее диктовать необходимость постоянного совершенствования теоретико-методологической основы противодействия экстремистским проявлениям [2].

Однако на современном этапе представляется преждевременным признать наличие завершенной методологической и концептуальной основы государственно-гражданского взаимодействия в деле противодействия экстремизму в современной России. Например, в доктринальных документах политики безопасности постсоветского периода прослеживается снижение интереса отечественного законодателя в возможности привлечения добровольческих общественных формирований к защите национальных интересов страны. Если в Концепции национальной безопасности 2000 г. прописывалось необходимость создания «общественной системы обеспечения национальной безопасности», которая бы действовала во взаимодействии с государственной системой, то последующие нормативные документы только предусматривали возможность привлечения общественных объединений к противодействию вызовам и угрозам национально-государственным интересам России.

О том, что такие вызовы и опасности становятся все более актуальными, а их спектр неуклонно расширяется, свидетельствуют международная обстановка и условия геополитической конфронтации с атлантическим сообществом. По-прежнему сохраняется угроза распространения международного терроризма, опирающегося на радикальные воззрения исламских фундаменталистов[3].

---

[1] Ефремов М. И. Политический терроризм как форма этнического и религиозного экстремизма // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. – 2010. – № 2 (18). – С. 23 – 29.

[2]Морозов И.Л. Политический экстремизм в современной России – новые тенденции // PolitBook. – 2012. – № 3. — С. 97–107.

[3] Мельков С.А., Ряжапов Н.Х. О влиянии исламистских структур на военную политику Российской Федерации // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2016. – №3(17). – С.16

Указанные обстоятельства требуют принципиальной корректировки системы доктринального обеспечения национальной безопасности нашей страны. Несмотря на весьма основательную проработку указанной тематики, задачи привлечении общественных институтов и формирований «третьего сектора» к противодействию такой опасности, как политический экстремизм до настоящего времени не является приоритетом комплексного политологического анализа.

Сохраняет свою актуальность задача осмысления предпосылок и истоков распространения экстремизма в массовом общественном сознании. Для чего требуется обобщить и систематизировать принципы научного поиска в деле исследования перспектив и возможностей экстремистских проявлений в современной российской политике. Отечественная политология должна избрать в перечне первоочередных исследовательских задач совершенствование знания об идейно-политической природе современного экстремизма и особенностях его проявления в общественно-политической жизни. Это требует переработки доктринальных основ противодействия экстремизму не только как одного из направлений государственной политики национальной безопасности, но и как особой сферы общественно-политической активности.

Имеет смысл отметить, что для современной России сохраняют свое значение проблемы социально-экономического, политического, этноконфессионального характера, которые в обозримой перспективе будут иметь тенденцию к нарастанию ввиду вступления планетарной цивилизации в период глобального экономического кризиса. В России попытки ограничить его грядущие последствия будут серьезно осложнены такими факторами, как незавершенность институциональной структуры гражданского общества, отказ от политики государственного протекционизма в экономике, неспособность значительной части «политического класса» осознать фундаментальные интересы российского общества. Перечисленные условия продолжают инициировать экстремистские проявления в индивидуальном и коллективном политическом сознании. Российский законодатель указывает, что в нашей стране сохраняется перспектива разрушения гражданского мира, возникновения вызовов общественной безопасности и национальному суверенитету. В качестве одной из ключевых угроз конституционному порядку современной России в доктринальных документах называется вероятность межэтнической и межконфессиональной конфронтации[1].

Признаем, что одним из факторов формирования различных видов экстремизма является укрепляющаяся вовлеченность Российской Федерации в глобальные мировые процессы. Указанное обстоятельство ставит российский социум и отечественную государственность в достаточно высокую зависимость от условий внешнего происхождения. Именно последствия глобализации вызывают постепенную эрозию государственного национально-государственного суверенитета. Происходит интенсивная ретрансляция таких вызовов и угроз как неконтролируемая миграция, транснациональная преступность, международный терроризм, радикальные идеологии и антигуманные

[1] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. (утверждена Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753. – URL// http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html (дата обращения 11.12.2019.)

идейные установки. Все они становятся предпосылками воспроизводства экстремистских проявлений в общественно-политических процессах современной России.

Отметим, что многие вариации экстремистских проявлений были инкорпорированы в российскую действительность из зарубежных социально-политических практик. Различные формы канализации радикальных идейных течений зачастую заимствуются асоциальными и деклассированными элементами благодаря возможностям информатизации и «цифровой революции», появлению неподконтрольных сетевых электронных коммуникаций. Умножается и субъектный состав идейно-политического радикализма. В доктринальных документах подчеркивается возможность противоправных действий не только со стороны террористических группировок и экстремистских движений, но и со стороны иностранных неправительственных организаций, транснациональных корпораций, а также частных лиц[1].

Таким образом, сущность политического экстремизма проявляется в его сложной, многокомпонентной природе. Экстремизм сегодня воспроизводят как традиционные субъекты, так и институты, прежде индифферентные по отношению к активной политической борьбе. В условиях современности, которые во многом предопределены процессами глобализации, одним из ключевых источников радикализма и неконвенциональной социально-политической деятельности становятся негосударственные субъекты. Последние все чаще проявляют себя на глобальном уровне, продвигая свои идейные воззрения, зачастую весьма радикальные и имеющие антигосударственную направленность.

Итогом формирования многополюсного мира становится проецирование внутренних противоречий на международный уровень. Ими оказываются затронуты социально-политические системы, которые прежде не были вовлечены к объективно существующие конфликтные ситуации. Подобным образом проявляется так называемая «глобализации снизу», которую ученые противопоставляют так называемой «элитарной глобализации»[2]. В результате становятся неизбежными радикализация взаимоотношений между акторами внутренних и внешнеполитических процессов, грань между которыми все более стирается. Это инициирует новые этапы и вариации политического экстремизма на национальном, транснациональном и региональном уровнях политических отношений.

Ключевое значение для охвата общественных настроений радикальными идейными доктринами имеет феномен информатизации и информационной революции. Ситуация переходного периода, ослабление влияния государственных институтов в сфере информационного обмена снижает качество эффективности противодействия экстремистским проявлениям.

Необходимо признать, что в период модернизации и индустриализации, которые в России пришлись на 1920 – 1970-е гг., был серьезно трансформирована традиционная структура социума. Складывавшиеся в течение столетий общественные корпорации,

---

[1] «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: http://nalscom.ru/upload/iblock/2f1/2f1ad4be9fb819fa4e42a909bae48659.pdf (дата обращения 15.05.2019.).

[2] Иванов В.Г. Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2011. – № 1. – С. 67-81.

которые могли быть сословными, территориально-профессиональными, этноконфессиональными были ликвидированы или оказались на положении общественно-политических аутсайдеров. Они в кратчайший по историческим меркам были замещены совершенно новыми, опиравшими на коммунистическую идеологию общественными институтами. Все они в той или иной мере зависели от руководящих указаний и установок органов партийно-политического управления. Вопрос о наличии института гражданского общества в СССР является дискуссионным в современной гуманитарной науке, и в целом выходит за рамки настоящего исследования[1]. Отметим лишь, что целый ряд общественно-государственных структур советского периода был прямо ориентирован не только на задачи идеологической обработки, но на патриотическое воспитание граждан и их подготовку к тому, что сейчас именуется «защитой национально-государственных интересов» страны. При этом попутно, на латентном уровне решались и задачи предотвращения в обществе идейных установок, которые с точки зрения господствующей в то время идеологии могли расцениваться как экстремистские.

После отказа от политического режима советского типа тоталитаризма квазиобщественные объединения того периода утратили свое прежнее влияние, превратившись преимущественно в маргинализованные филиалы лево-патриотической оппозиции. Отмечались также попытки эксплуатации символики советского периода для популяризации идей и образа ряда левацких группировок, деятельность которых впоследствии была признана законодателем экстремистской [2] . Согласно распространенным в 1990-х – начале 2000-х гг. представлениям, в демократическом государстве сектор гражданского общества, ориентированный на сотрудничество с государством в сфере безопасности должны их сформировать автономные гражданские институции. Именно они, следуя мнению ряда исследователей были бы способны аккумулировать в себе самодеятельные общественные инициативы по противодействию радикализации социальных умонастроений. Появление многочисленных общественных объединений, стремящихся самостоятельно участвовать в обеспечении различных сфер национальной безопасности, по большей части происходит стихийно. Такие инициативы связаны с реакцией граждан на реальное или вероятное возникновение опасностей жизненно важным и просто важным интересам индивидов, их коллективов, социальной группы, общества в целом [3]. Для периода 1990- х гг. было характерным признание

[1] Барашков Г. М. Институты и функциональные особенности гражданского общества в СССР РФ // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2012. – №21(2). – URL: https://readera.ru/14239138, (дата обращения 5.01.2020.).Оломпиев К. С. Властные институты и гражданское общество: эволюция взаимоотношений в переходный период отечественной истории (1985–1991 годы) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. – Т. 9. - №2. – С. 1–15.

[2] Савельев В.А. Горячая молодежь России: Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты : настольная книга-справочник. – Москва : Кванта, 2006. – 287 с.

[3] Штарев П. В. Негосударственная система обеспечения национальной безопасности // Вестник социально-политических наук. – 2009. – № 9. – С.78– 91.

значимости негосударственных компонентов, нацеленных на обеспечение безопасности, которые призывалось сделать равноценным партнером органов государственной власти[1].

Представляется обоснованным признание нестабильности и противоречивости в развитии гражданских институтов, которое происходит в условиях переходных режимов, к которым необходимо отнести и постсоветскую Россию. Становление гражданского общества в такой ситуации протекает в весьма короткие сроки, проецируется «сверху». В случае с нашей страной - это немногочисленное либерально настроенное меньшинство интеллигенции и предпринимателей столичных городов и связанных с ними государственных администраторов и масс-медиа. Ряд исследователей отмечают объективность системных трудностей и неизбежных провалов в становлении гражданского общества в современной России. В данном случае вызывает интерес концепт Л.Е.Бляхера, который выделяет вариации постсоветского общества в форме «догражданского», «внегражданского» и «псевдогражданского общество». Последний из них, согласно его мнению, искусственно конструировался в современной Российской Федерации после 2008 г. на основе концепта «консервативной модернзации».

Согласно подходу Л.Ю.Грудцыной, между классическими образцами гражданских сообществ, характерных для стран Западной Европы и США, и тем их вариантом, что формируется в постсоветской России, существует принципиальная разница. Ключевым фактором функционирования гражданских институтов в Российской Федерации продолжает оставаться не добровольная самоорганизация ее народа и социальных групп, а государственная политика. При этом Л.Ю.Грудцина находит необходимым указать на черты признаки автономии гражданских институтов по отношению к государственной власти. Выдвигаются доказательства отсутствия непреодолимого рубежа между способностью к самобытному развитию и управляемостью гражданского общества в российской действительности[2].

Отметим, что помимо государственной власти, специфику отечественного типа гражданского общества определяет и противоположный вектор. Его в совокупности составляют как раз те неформальные объединения, который в той или иной мере составляют социальную базу современного экстремизма – социокультурного, религиозного, этнического, политического. При этом наиболее уязвимой категорий российских граждан, со стороны идеологии экстремизма и терроризма остается молодежь. В научной среде продолжаются попытки идентификации деструктивных моделей политического участия молодежи. Одним из источников появления таковых признают «асоциальную молодежную политику»[3]. Отмечается, что цели и ценности ее вдохновителей кардинально противостоят традиционным духовным принципам общества и конституционным принципам национальной государственности. В ситуации перманентных политических кризисов и затянувшейся социальной дестабилизации

[1] Возженников А.В., Прохожев А.А. Безопасность России: современное понимание, обеспечение . – М.: Росэкномфонд «Созидание». – 1998. – С.67.

[2] Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 5 – 15.

[3] Чирун С.Н. Молодежная политика России в современном методологическом экскурсе // Вестник Поволжской Академии государственной службы. – № 4 (21). – 2009. – С. 136– 140.

проявляется «асистемная молодежной политики», которую внедряют радикальные партии, организации и движения экстремистского толка.

Обобщив содержание различных мнений относительно возможности использования потенциала гражданского общества в деле противостоянию политическому экстремизму, заключим вывод, что в условиях незавершенности демократических институтов именно государственная политика в обозримой перспективе продолжит сохранять значение системообразующего элемента противодействия радикализации отечественного социума. По объективным основаниям государственная власть будет сохранять за собой монополию на регулирующее воздействие деятельности общественных объединений, претендующих на участие в обеспечении различных сфер безопасности личности, общества и государства.

При всех издержках и системных дефектах в Российской Федерации продолжается процесс формирования гражданского общества. В последние годы на фоне кризиса в социально-экономической области, влияния на социальную стабильность массовых глобальных эпидемий и приближающегося «транзита верховной власти», этот процесс, по нашему мнению будет серьезно осложнен тенденциями к усилению этатизации общественных отношений. Давая кратковременный эффект, указанная модель регулирования государственно-общественных отношений со всей очевидностью нацелена не столько на разрешение социальных противоречий, порождающих экстремистские проявления, сколько на их перевод в латентные формы. В то же время в российских реалиях будет сохраняться и негосударственный сектор обеспечения национальной безопасности, представленный общественными объединениями, организациями, фондами, ассоциациями и отдельными гражданами.

Его сохранение обусловлено, прежде всего, спецификой рыночной экономики и связанных с ней сфер социальной жизнедеятельности. Политика государства в данной области по-прежнему носит дифференцированный характер, допуская плюрализм субъектов защиты различных секторов безопасности – экономического, информационного, технологического, социального и других. Возникающие на этой основе общественные объединения следует признать специфическими субъектами гражданского общества. Причем, в отличие от подавляющего большинства традиционных общественных институтов, негосударственные объединения в сфере безопасности в своем большинстве обладают известной корпоративной сплоченностью и возможностями для самофинансирования. Указанные обстоятельства превращают общественный сектор обеспечения национально-государственных интересов в естественного союзника государственной власти в деле противодействия политическому экстремизму. Не секрет, что большинство создателей и участников общественных организаций обеспечения национальной безопасности благодаря своему жизненному опыту и служебным биографиям способны завоевать весомый авторитет в молодежной среде, своим влиянием пресекая укрепление здесь экстремистских настроений.

Серьезным упущением теории и практики реализации политики противодействия политическому экстремизму в современной России признаем недостаточное внимание к вопросам привлечения к указанной задаче гражданского общества. По-прежнему требует обновления концептуальная основа обеспечения национальной безопасности, что крайне

затрудняет использование потенциал общественных объединений в профилактике всех типов экстремистских проявлений и в борьбе с ними. Между тем, игнорирование самодеятельных общественных инициатив по противодействию политическому радикализму создает особую группу предпосылок для деформаций российского гражданского общества. Не видя встречного интереса со стороны публичной власти, отдельные социально активные граждане, в первую очередь - из числа молодежи, могут оказаться в орбите интереса политических сил, не заинтересованных к конструктивном разрешении актуальных общественных противоречий. В деле укрепления национальной безопасности России требуется систематизировать подходы к природе и эволюции негосударственных субъектов обеспечения национальной безопасности, провести их практическую типологизацию на предмет способности участия в практической работе по противодействию экстремистским проявлениям. Должны быть сформированы приоритеты эффективной стратегии государства по взаимодействию с гражданскими инициативами в деле борьбы с радикализацией политического процесса, способных выработать консолидированную позицию социальных сообществ и властных институтов по отношению к идеологии и практике политического экстремизма.

Библиография/References:

1. Барашков Г.М. Институты и функциональные особенности гражданского общества в СССР-РФ // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. – 2012. – № 1 (2). – URL: https://readera.ru/14239138 (дата обращения 12.12.2019.)

2. Возженников А.В., Прохожев А.А. Безопасность России: современное понимание, обеспечение. – М.: Росэкномфонд «Созидание», 1998. – 133 с.

3. Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика // Государство и право. – 2012. – № 6. – С. 5–15.

4. Ефремов М.И. Политический терроризм как форма этнического и религиозного экстремизма // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. – 2010. – № 2 (18). – С. 23–29.

5. Иванов В.Г. Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2011. – № 1. – С. 67– 81.

6. Мельков С.А., Ряжапов Н.Х. О влиянии исламистских структур на военную политику Российской Федерации // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2016. – № 3 (17). – С. 16.

7. Морозов И.Л. Политический экстремизм в современной России – новые тенденции // PolitBook. – 2012. – № 3. – С. 97–107.

8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – URL: http://nalscom.ru/upload/iblock/2f1/2f1ad4be9fb819fa4e42a909bae48659.pdf (дата обращения 15.05.2019.)

9. Оломпиев К.С. Властные институты и гражданское общество: эволюция

взаимоотношений в переходный период отечественной истории (1985–1991 годы) // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 1–15.

10. Савельев В.А. Горячая молодежь России: Лидеры. Организации и движения. Тактика уличных битв. Контакты: настольная книга-справочник. – М.: Кванта, 2006. – 287 с.

11. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28.11.2014 г. Пр-2753.). – URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html (Дата обращения 11.12.2019.)

12. Чирун С.Н. Молодежная политика России в современном методологическом экскурсе // Вестник Поволжской Академии государственной службы. – 2009. – № 4 (21). – С. 136–140.

13. Штарев П.В. Негосударственная система обеспечения национальной безопасности // Вестник социально-политических наук. – 2009. – № 9. – С. 78–91.

1. Barashkov, G.M. (2012) Instituty i funktsional'nye osobennosti grazhdanskogo obshchestva v SSSR-RF [Institutions and functional features of civil society in the USSR-RF] // Politicheskoe upravlenie: nauchnyi informatsionno-obrazovatel'nyi elektronnyi zhurnal [Political management: Scientific Information and Education Web Journal]. – №1(2). – URL: https://readera.ru/14239138 (Data obrashcheniia 15.03.2020.) (In Russ.)

2. Vozzhenikov, A.V., Prokhozhev, A.A. (1998) Bezopasnost' Rossii: sovremennoe ponimanie, obespechenie [Russian security: modern understanding, procuring]. – M.: Roseknomfond «Sozidanie». – 133 p. (In Russ.)

3. Grudtsyna, L.Iu., Petrov, S.M. (2012) Grazhdanskoe obshchestvo, narod i vlast': kontseptual'noe ponimanie i rossiiskaia spetsifika [Civil society, people and power: conceptual understanding and Russian specifics] // Gosudarstvo i pravo [State and Law]. – № 6. – P. 5–15. (In Russ.)

4. Efremov, M.I. (2010) Politicheskii terrorizm kak forma etnicheskogo i religioznogo ekstremizma [Political terrorism as a form of ethnic and religious extremism] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriia. Sotsial'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. – № 2 (18). – P. 23–29. (In Russ.)

5. Ivanov, V.G. (2011) Global'noe grazhdanskoe obshchestvo: stanovlenie novogo aktora mirovoi politiki [Global civil society: the formation of a new actor in world politics] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Politologiia [RUDN Journal of Political Science]. – № 1. – P. 67– 81. (In Russ.)

6. Mel'kov, S.A., Riazhapov, N.Kh. (2016) O vliianii islamistskikh struktur na voennuiu politiku Rossiiskoi Federatsii [On the influence of Islamist structures on the military policy of the Russian Federation] // GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii [GosReg]. – № 3 (17). – P. 16. (In Russ.)

7. Morozov, I.L. (2012) Politicheskii ekstremizm v sovremennoi Rossii – novye tendentsii [Political extremism in modern Russia - new trends] // PolitBook. – № 3. – P. 97–107. (In Russ.)

8. O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [About the National Security Strategy of the Russian Federation]. – URL:

http://nalscom.ru/upload/iblock/2f1/2f1ad4be9fb819fa4e42a909bae48659.pdf (Data obrashcheniia 15.05.2019.) (In Russ.)

9. Olompiev, K.S. (2017) Vlastnye instituty i grazhdanskoe obshchestvo: evoliutsiia vzaimootnoshenii v perekhodnyi period otechestvennoi istorii (1985–1991 gody) [Russian Authorities and Civil Society: Evolution in Their Relationship in the Transition Period of 1985-1991] // Ars Administrandi. – T. 9. – № 2. – P. 1–15. (In Russ.)

10. Savel'ev, V.A. (2006) Goriachaia molodezh' Rossii: Lidery. Organizatsii i dvizheniia. Taktika ulichnykh bitv. Kontakty: nastol'naia kniga-spravochnik [Hot Youth of Russia: Leaders. Organizations and movements. Tactics of street battles. Contacts: handbook-reference book]. – M.: Kvanta. – 287 p. (In Russ.)

11. Strategiia protivodeistviia ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda [Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025] (utverzhdena Prezidentom RF 28.11.2014 g. Pr-2753.). – URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html (data obrashcheniia 11.12.2019.) (In Russ.)

12. Chirun, S.N. (2009) Molodezhnaia politika Rossii v sovremennom metodologicheskom ekskurse [Youth policy of Russia in a modern methodological digest] // Vestnik Povolzhskoi Akademii gosudarstvennoi sluzhby [Bulletin of the Volga Academy of Public Administration]. – № 4 (21). – P. 136–140. (In Russ.)

13. Shtarev, P.V. (2009) Negosudarstvennaia sistema obespecheniia natsional'noi bezopasnosti [Non-state system of ensuring national security] // Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk [Bulletin of socio-political sciences]. – № 9. – P. 78–91. (In Russ.)